

Tristia. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://mandelshamjoseph.ru/> приятного чтения!

Tristia. Осип Эмильевич Мандельштам

* * *

«Как этих покрывал и этого убора

Мне пышность тяжела среди моего позора!»

– Будет в каменной Трезене

Знаменитая беда,

Царской лестницы ступени

Покраснеют от стыда,

И для матери влюбленной

Солнце черное взойдет.

«О, если б ненависть в груди моей кипела, –

Но, видите, – само признание с уст слетело.»

– Черным пламенем Федра горит

Среди белого дня.

Погребальный факел чадит

Среди белого дня.

Бойся матери ты, Ипполит:

Федра – ночь – тебя сторожит

Среди белого дня.

«Любовью черною я солнце запятнала...»

– Мы боимся, мы не смеем

Горю царскому помочь.

Уязвленная Тезеем

На него напала ночь.

Мы же, песнью похоронной

Провожая мертвых в дом,

Страсти дикой и бессонной

Солнце черное уйдем.

1915, 1916.

ЗВЕРИНЕЦ

Отверженное слово «мир»

В начале оскорбленной эры;

Tristia. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru
Светильник в глубине пещеры

И воздух горных стран – эфир;

Эфир, которым не сумели,

Не захотели мы дышать.

Козлиным голосом, опять,

Поют косматые свирели.

Пока ягнята и волы

На тучных пастбищах водились

И дружелюбные садились

На плечи сонных скал орлы, –

Германец выкормил орла,

И лев британцу покорился,

И галльский гребень появился

Из петушиного хохла.

А ныне завладел дикарь

Священной палицей Геракла,

И черная земля иссякла,

Неблагодарная, как встарь.

Я палочку возьму сухую,

Огонь добуду из нее,

Пускай уходит в ночь глухую

Мной всполошенное зверье!

Петух и лев, и темнобурый

Орел, и ласковый медведь –

Мы для войны построим клеть,

Звериные пригреем шкуры.

А я пою вино времен –

Источник речи италийской –

И в колыбели праарийской

Славянский и германский лён!

Италия, тебе не лень

Тревожить Рима колесницы,

С кудахтаньем домашней птицы

Перелетев через плетень?

И ты, соседка, не взыщи –

Орел топорщится и злится:

Что, если для твоей пращи

Тяжелый камень не годится?

В зверинце заперев зверей,

Мы успокоимся надолго,

И станет полноводней Волга,

И рейнская струя светлей, –

И умудренный человек

Почтит невольно чужестранца,

Как полубога, буйством танца

На берегах великих рек.

январь 1916, 1935.

* * *

В разноголосице девического хора

Все церкви нежные поют на голос свой,

И в дугах каменных Успенского собора

Мне брови чудятся, высокие, дугой.

И с укрепленного архангелами вала

Я город озирал на чудной высоте.

В стенах Акрополя печаль меня снедала

По русском имени и русской красоте.

Не диво ль дивное, что вертоград нам снится,

Где реют голуби в горячей синеве,

Что православные крюки поет черница:

Успенье нежное – Флоренция в Москве.

И пятиглавые московские соборы

С их итальянскою и русскою душой

Напоминают мне явление Авроры,

Но с русским именем и в шубке меховой.

1916.

* * *

На розвальнях, уложенных соломой,

Едва прикрытые рогожей роковой,

От Воробьевых гор до церковки знакомой

Tristia. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru
Мы ехали огромною Москвой.

А в Угличе играют дети в бабки,
И пахнет хлеб, оставленный в печи.
По улицам меня везут без шапки,
И теплятся в часовне три свечи.
Не три свечи горели, а три встречи –
Одну из них сам Бог благословил,
Четвертой не бывать, а Рим далече –
И никогда он Рима не любил.
Нырjali сани в черные ухабы,
И возвращался с гульбища народ.
Худые мужики и злые бабы
Переминались у ворот.
Сырая даль от птичьих стай чернела,
И связанные руки затекли;
Царевича везут, немеет страшно тело –
И рыжую солому подожгли.
1916.

СОЛОМИНКА
I.

Когда, соломинка, не спишь в огромной спальне
И ждешь, бессонная, чтоб, важен и высок,
Спокойной тяжестью, – что может быть печальней, –
На веки чуткие спустился потолок,
Соломка звонкая, соломинка сухая,
Всю смерть ты выпила и сделалась нежней,
Сломалась милая соломка неживая,
Не Саломея, нет, соломинка скорей!
В часы бессонницы предметы тяжелее,
Как будто меньше их – такая тишина!
Мерцают в зеркале подушки, чуть белея,
И в круглом омуте кровать отражена.
Нет, не соломинка в торжественном атласе,
В огромной комнате над черною Невой,

Tristia. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru
Двенадцать месяцев поют о смертном часе,

Струится в воздухе лед бледно-голубой.
Декабрь торжественный струит свое дыханье,
Как будто в комнате тяжелая Нева.
Нет, не соломинка – Лигейя, умиранье, –
я научился вам, блаженные слова.

II.

я научился вам, блаженные слова:
Ленор, Соломинка, Лигейя, Серафита.
В огромной комнате тяжелая Нева,
И голубая кровь струится из гранита.
Декабрь торжественный сияет над Невой.
Двенадцать месяцев поют о смертном часе.
Нет, не соломинка в торжественном атласе
Вкушает медленный томительный покой.
В моей крови живет декабрьская Лигейя,
Чья в саркофаге спит блаженная любовь.
А та, соломинка – быть может, Саломея,
Убита жалостью и не вернется вновь!

1916.

* * *

Мне холодно. Прозрачная весна
В зеленый пух Петрополь одевает,
Но, как медуза, невская волна
Мне отвращенье легкое внушает.
По набережной северной реки
Автомобилей мчатся светляки,
Летят стрекозы и жуки стальные,
Мерцают звезд булавки золотые,
Но никакие звезды не убьют
Морской волны тяжелый изумруд.

1916.

* * *

В Петрополе прозрачном мы умрем,
Где властвует над нами Прозерпина.

Мы в каждом вздохе смертный воздух пьем,

И каждый час нам смертная година.

Богиня моря, грозная Афина,

Сними могучий каменный шлем.

В Петрополе прозрачном мы умрем, –

Где царствуешь не ты, а Прозерпина.

1916.

* * *

Не веря воскресенья чуду,

На кладбище гуляли мы.

– Ты знаешь, мне земля повсюду

Напоминает те холмы

Где обрывается Россия

Над морем черным и глухим.

От монастырских косогулов

Широкий убегает луг.

Мне от владимирских просторов

Так не хотелось на юг,

Но в этой темной, деревянной

И юродивой слободе

С такой монашкой туманной

Остаться – значит, быть беде.

Целую локоть загорелый

И лба кусочек восковой.

Я знаю – он остался белый

Под смуглой прядью золотой.

Целую кисть, где от браслета

Еще белеет полоса.

Тавриды пламенное лето

Творит такие чудеса.

Как скоро ты смуглянкой стала

И к Спасу бедному пришла,

Не отрываясь целовала,

А гордою в Москве была.

Tristia. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru
Нам остается только имя:

Чудесный звук, на долгий срок.

Прими ж ладонями моими

Пересыпаемый песок.

1916.

* * *

Эта ночь непоправима,

А у вас еще светло.

У ворот Ерусалима

Солнце черное взошло.

Солнце желтое страшнее, –

Баю баюшки баю, –

В светлом храме иудеи

Хоронили мать мою.

Благодати не имея

И священства лишены,

В светлом храме иудеи

Отпевали прах жены.

И над матерью звенели

Голоса израильтян.

Я проснулся в колыбели –

Черным солнцем осиян.

1916.

ДЕКАБРИСТ

– Тому свидетельство языческий сенат –

Сии дела не умирают! –

Он раскурил чубук и запахнул халат,

А рядом в шахматы играют.

Честолюбивый сон он променял на сруб

В глухом урочище Сибири

И вычурный чубук у ядовитых губ,

Сказавших правду в скорбном мире.

Шумели в первый раз германские дубы,

Европа плакала в тенетах,

Квадриги черные вставали на дыбы

На триумфальных поворотах.

Бывало, голубой в стаканах пунш горит,

С широким шумом самовара

Подруга рейнская тихонько говорит,

Вольнолюбивая гитара.

– Еще волнуются живые голоса

О сладкой вольности гражданства!

Но жертвы не хотят слепые небеса:

Вернее труд и постоянство.

Всё перепуталось, и некому сказать,

что, постепенно холодея,

Всё перепуталось, и сладко повторять:

Россия, Лета, Лорелея.

1917.

* * *

Золотистого меда струя из бутылки текла

Так тягуче и долго, что молвить хозяйка успела:

– Здесь, в печальной Тавриде, куда нас судьба занесла,

Мы совсем не скучаем, – и через плечо поглядела.

Всюду Бахуса службы, как будто на свете одни

Сторожа и собаки, – идешь, никого не заметишь.

Как тяжелые бочки, спокойные катятся дни.

Далеко в шалаше голоса – не поймешь, не ответишь.

После чаю мы вышли в огромный коричневый сад,

Как ресницы на окнах опущены темные шторы,

Мимо белых колонн мы пошли посмотреть виноград,

Где воздушным стеклом обливаются сонные горы.

Я сказал: виноград как старинная битва, живет,

Где курчавые всадники бьются в кудрявом порядке;

В каменистой Тавриде наука Эллады – и вот

Золотых десятин благородные, ржавые грядки.

Ну, а в комнате белой, как прялка, стоит тишина,

Пахнет уксусом, краской и свежим вином из подвала.

Помнишь, в греческом доме: любимая всеми жена, –

Tristia. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru
Не Елена – другая, – как долго она вышивала?

Золотое руно, где же ты, золотое руно?

Всю дорогу шумели морские тяжелые волны,
И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно,
Одиссей возвратился, пространством и временем полный.
1917.

* * *

Еще далеко асфodelей
Прозрачно-серая весна.
Пока еще на самом деле
Шуршит песок, кипит волна.
Но здесь душа моя вступает,
Как Персефона, в легкий круг,
И в царстве мертвых не бывает
Прелестных, загорелых рук.
Зачем же лодке доверяем
Мы тяжесть урны гробовой,
И праздник черных роз свершаем
Над аметистовой водой?
Туда душа моя стремится,
За мыс туманный Меганом,
И черный парус возвратится
Оттуда после похорон!
Как быстро тучи пробегают
Неосвещенною грядой,
И хлопья черных роз летают
Под этой ветряной луной.
И, птица смерти и рыдания,
Влачится траурной каймой
Огромный флаг воспоминанья
За кипарисною кормой.
И раскрывается с шуршаньем
Печальный веер прошлых лет, –
Туда, где с темным содроганьем
В песок зарылся амулет,

Туда душа моя стремится,
За мыс туманный Меганом,
И черный парус возвратится
Оттуда после похорон.

1917.

* * *

«Среди священников левитом молодым...»

А. В. Карташеву

Среди священников левитом молодым
На страже утренней он долго оставался.
Ночь иудейская сгущалась над ним
И храм разрушенный угрюмо созидался.
Он говорил: небес тревожна желтизна!
Уж над Ефратом ночь: бегите, иереи!
А старцы думали: не наша в том вина –
Се черно-желтый свет, се радость Иудеи!
Он с нами был, когда на берегу ручья,
Мы в драгоценный лен Субботу пеленали
И семисвещником тяжелым освещали
Ерусалима ночь и чад небытия.

1917.

* * *

Когда на площадях и в тишине келейной
Мы сходим медленно с ума,
Холодного и чистого рейнвейна
Предложит нам жестокая зима.
В серебряном ведре нам предлагает стужа
Валгаллы белое вино,
И светлый образ северного мужа
Напоминает нам оно.
Но северные скальды грубы,
Не знают радостей игры,
И северным дружинам любы
Янтарь, пожары и пиры.
Им только снится воздух юга –

Чужого неба волшебство, –
И все-таки упрямая подруга
Откажется попробовать его.
1917.

КАССАНДРЕ
Я не искал в цветущие мгновенья
Твоих, Кассандра, губ, твоих, Кассандра, глаз,
Но в декабре торжественного бденья
Воспоминанья мучат нас.
И в декабре семнадцатого года
Всё потеряли мы, любя:
Один ограблен волею народа,
Другой ограбил сам себя..
Но, если эта жизнь – необходимость бреда
И корабельный лес – высокие дома, –
Лети, безрукая победа –
Гиперборейская чума!
На площади с броневиками
Я вижу человека – он
Волков горящими пугает головнями:
Свобода, равенство, закон.
Касатка, милая Кассандра,
Ты стонешь, ты горишь – зачем
Стояло солнце Александра
Сто лет назад, сияло всем?
Когда-нибудь в столице шалой
На скифском празднике, на берегу Невы –
При звуках омерзительного бала
Сорвут платок с прекрасной головы..
декабрь 1917.

* * *
В тот вечер не гудел стрелчатый лес органа.
Нам пели Шуберта – родная колыбель!
Шумела мельница, и в песнях урагана

Tristia. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru
Смеялся музыки голубоглазый хмель!

Старинной песни мир – коричневый, зеленый,
Но только вечно-молодой,
Где соловьиных лип рокошующие кроны
С безумной яростью качает царь лесной.
И сила страшная ночного возвращенья –
Та песня дикая, как черное вино:
Это двойник – пустое привиденье –
Бессмысленно глядит в холодное окно!

1917.

* * *

Твое чудесное произношенье –
Горячий посвист хищных птиц;
Скажу ль: живое впечатленье
Каких-то шелковых зарниц.
«Что» – голова отяжелела.
«Цо» – это я тебя зову!
И далеко прошелестело:
Я тоже на земле живу.
Пусть говорят: любовь крылата, –
Смерть окрыленнее стократ.
Еще душа борьбой объята,
А наши губы к ней летят.
И столько воздуха и шелка
И ветра в шопоте твоём,
И, как слепые, ночью долгой
Мы смесь бессолнечную пьем.

1917.

* * *

Что поют часы-кузнечик,
Лихорадка шелестит,
И шуршит сухая печка –
Это красный шелк горит.
Что зубами мыши точат
Жизни тоненькое дно, –

Это ласточка и дочка

Отвязала мой челнок.

Что на крыше дождь бормочет, –

Это черный шелк горит,

Но черемуха услышит

И на дне морском: прости.

Потому что смерть невинна

И ничем нельзя помочь,

что в горячке соловьиной

Сердце теплое еще.

1918.

* * *

На страшной высоте блуждающий огонь!

Но разве так звезда мерцает?

Прозрачная звезда, блуждающий огонь, –

Твой брат, Петрополь, умирает!

На страшной высоте земные сны горят,

Зеленая звезда мерцает.

О, если ты звезда, – воды и неба брат, –

Твой брат, Петрополь, умирает!

Чудовищный корабль на страшной высоте

Несется, крылья расправляет ...

Зеленая звезда, – в прекрасной нищете

Твой брат, Петрополь, умирает.

Прозрачная весна над черною Невою

Сломалась, воск бессмертья тает...

О, если ты звезда, – Петрополь, город твой,

Твой брат, Петрополь, умирает!

1918.

* * *

Когда в темной ночи замирает

Лихорадочный форум Москвы,

И театров широкие зевы

Возвращают толпу площадям, –

Протекает по улицам пыльным

Tristia. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru
Оживленье ночных похорон;

Льются мрачно-веселые толпы
Из каких-то божественных недр.
Это солнце ночное хоронит
Возбужденная играми чернь,
Возвращаясь с полночного пира
Под глухие удары копыт,
И как новый встает Геркуланум
Спящий город в сияньи луны,
И убогого рынка лачуги,
И могучий дорический ствол!
1918.

СУМЕРКИ СВОБОДЫ
Прославим, братья, сумерки свободы,
Великий сумеречный год!
В кипящие ночные воды
Опущен грузный лес тенет.
Восходишь ты в глухие годы, –
О, солнце, судия, народ.
Прославим роковое бремя,
Которое в слезах народный вождь берет.
Прославим власти сумрачное бремя,
Ее невыносимый гнет.
В ком сердце есть – тот должен слышать, время,
Как твой корабль ко дну идет.
Мы в легионы боевые
Связали ласточек – и вот
Не видно солнца; вся стихия
Щебечет, движется, живет;
Сквозь сети – сумерки густые –
Не видно солнца и земля плывет.
Ну что ж, попробуем: огромный, неуклюжий,
Скрипучий поворот руля.
Земля плывет. Мужайтесь, мужи.

Tristia. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru
Как плугом, океан деля,

Мы будем помнить и в летейской стуже,
Что десяти небес нам стоила земля.
Москва, май 1918.

TRISTIA

Я изучил науку расставанья

В простоволосых жалобах ночных.

Жуют волы, и длится ожиданье –

Последний час вигилий городских,

И что обряд той петушиной ночи,

Когда, подняв дорожной скорби груз,

Глядели вдаль заплаканные очи,

И женский плач мешался с пеньем муз.

Кто может знать при слове «расставанье»,

Какая нам разлука предстоит,

Что нам сулит петушьё восклицанье,

Когда огонь в акрополе горит,

И на заре какой-то новой жизни,

Когда в сенях лениво вол жуёт,

Зачем петух, глашатай новой жизни,

На городской стене крылами бьёт?

И я люблю обыкновенье пряжи:

Снуёт челнок, веретено жужжит,

Смотри, навстречу, словно пух лебяжий,

Уже босая Делия летит!

О, нашей жизни скудная основа,

Куда как беден радости язык!

Всё было встарь, всё повторится снова,

И сладок нам лишь узнаванья миг.

Да будет так: прозрачная фигурка

На чистом блюде глиняном лежит,

Как беличья распластанная шкурка,

Склонясь над воском, девушка глядит.

Не нам гадать о греческом Эребе,

Tristia. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru
Для женщин воск, что для мужчины медь.

Нам только в битвах выпадает жребий,
А им дано гадая умереть.

1918.

* * *

На каменных отрогах Пиерии
Водили музы первый хоровод,
Чтобы, как пчелы, лирники слепые
Нам подарили ионийский мед.
И холодком повеяло высоким
От выпукло-девического лба,
Чтобы раскрылись правнукам далеким
Архипелага нежные гроба.
Бежит весна топтать луга Эллады,
Обула Сафо пестрый сапжок,
И молоточками куют цикады,
Как в песенке поется, перстенек.
Высокий дом построил плотник дюжий,
На свадьбу всех передушили кур,
И растянул сапжник неуклюжий
На башмаки все пять воловьих шкур.
Нерасторопна черепаха-лира,
Едва-едва беспалая ползет,
Лежит себе на солнышке Эпира,
Тихонько грея золотой живот.
Ну, кто ее такую приласкает,
Кто спящую ее перевернет?
Она во сне Терпандра ожидает,
Сухих перстов предчувствуя налет.
Поит дубы холодная криница,
Простоволосая шумит трава,
На радость осам пахнет медуница.
О, где же вы, святые острова,
Где не едят надломленного хлеба,
Где только мед, вино и молоко,

Скрипучий труд не омрачает неба
И колесо вращается легко?

1919.

* * *

В хрустальном омуте какая крутизна!
За нас сиенские предстательствуют горы,
И сумасшедших скал колючие соборы
Повисли в воздухе, где шерсть и тишина.
С висячей лестницы пророков и царей
Спускается орган, Святого Духа крепость,
Овчарок бодрый лай и добрая свирепость,
Овчины пастухов и посохи судей.
Вот неподвижная земля, и вместе с ней
Я христианства пью холодный горный воздух,
Крутое «Верую» и псалмопевца роздых,
Ключи и рубища апостольских церквей.
Какая линия могла бы передать
Хрусталь высоких нот в эфире укрепленном,
И с христианских гор в пространстве изумленном,
Как Палестины песнь, нисходит благодать.

1919.

* * *

Сестры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы.
Медуницы и осы тяжелую розу сосут.
Человек умирает. Песок остывает согретый,
И вчерашнее солнце на черных носилках несут.
Ах, тяжелые соты и нежные сети,
Легче камень поднять, чем имя твое повторить!
У меня остается одна забота на свете:
Золотая забота, как времени бремя избыть.
Словно темную воду я пью помутившийся воздух.
Время вспахано плугом, и роза землю была.
В медленном водовороте тяжелые нежные розы,
Розы тяжесть и нежность в двойные венки заплела!
Коктебель, март 1920.

* * *

Вернись в смесительное лоно,
Откуда, Лия, ты пришла,
За то, что солнцу Илиона
Ты желтый сумрак предпочла.
Иди, никто тебя не тронет,
На грудь отца в глухую ночь
Пускай главу свою уронит
Кровосмесительница-дочь.
Но роковая перемена
В тебе исполниться должна:
Ты будешь Лия – не Елена!
Не потому наречена,
Что царской крови тяжелее
Струиться в жилах, чем другой, –
Нет, ты полюбишь иудея,
Исчезнешь в нем – и Бог с тобой.
1920.

ФЕОДОСИЯ
Окружена высокими холмами,
Овечьим стадом ты с горы сбегашь
И розовыми, белыми камнями
В сухом прозрачном воздухе сверкаешь.
Качаются разбойничьи фелюги,
Горят в порту турецких флагов маки,
Тростинки мачт, хрусталь волны упругий
И на канатах лодочки-гамаки.
На все лады, оплаканное всеми,
С утра до ночи «яблочко» поется.
Уносит ветер золотое семя, –
Оно пропало – больше не вернется.
А в переулочках, чуть свечерело,
Пиликают, согнувшись, музыканты,
По двое и по трое, неумело,

Tristia. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru
Невероятные свои варьянты.

О, горбоносых странников фигурки!
О, средиземный радостный зверинец!
Расхаживают в полотенцах турки,
Как петухи у маленьких гостиниц.
Везут собак в тюрьмоподобной фуре,
Сухая пыль по улицам несется,
И хладнокровен средь базарных фурий
Монументальный повар с броненосца.
Идем туда, где разные науки
И ремесло – шашлык и чебуреки,
Где вывеска, изображая брюки,
Дает понятие нам о человеке.
Мужской сюртук – без головы стремленье,
Цирюльника летающая скрипка
И месмерический уют – явление
Небесных прачек – тяжести улыбка.
Здесь девушки стареющие в челках
Обдумывают странные наряды,
И адмиралы в твердых треуголках
Припоминают сон Шехеразады.
Прозрачна даль. Немного винограда.
И неизменно дует ветер свежий.
Недалеко от Смирны и Багдада,
Но трудно плыть, а звезды всюду те же.
1920.

* * *

Мне Тифлис горбатый снится,
Сазандарий стон звенит,
На мосту народ толпится,
Вся ковровая столица,
А внизу Кура шумит.
Над Курюю есть духаны,
Где вино и милый плов,
И духанщик там румяный

Подает гостям стаканы
И служить тебе готов.
Кахетинское густое
Хорошо в подвале пить, –
Там в прохладе, там в покое
Пейте вдоволь, пейте двое,
Одному не надо пить!
В самом маленьком духане
Ты товарища найдешь.
Если спросишь «Телиани»,
Поплывет Тифлис в тумане,
Ты в бутылке поплывешь.
Человек бывает старым,
А барашек молодым,
И под месяцем поджарым
С розоватым винным паром
Полетит шашлычный дым..
1920.

* * *
Венецйской жизни, мрачной и бесплодной,
Для меня значение светло.
Вот она глядит с улыбкою холодной
В голубое дряхлое стекло.
Тонкий воздух кожи, синие прожилки,
Белый снег, зеленая парча.
Всех кладут на кипарисные носилки,
Сонных, теплых вынимают из плаща.
И горят, горят в корзинах свечи,
Словно голубь залетел в ковчег.
На театре и на праздном вече
Умирает человек.
Ибо нет спасенья от любви и страха,
Тяжелее платины Сатурново кольцо,
Черным бархатом завешанная плаха

Tristia. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru
И прекрасное лицо.

Тяжелы твои, Венеция, уборы,
В кипарисных рамах зеркала.
Воздух твой граненый. В спальне тают горы
Голубого дряхлого стекла.
Только в пальцах – роза или склянка,
Адриатика зеленая, прости!
Что же ты молчишь, скажи, венецианка,
Как от этой смерти праздничной уйти?
Черный Веспер в зеркале мерцает,
Всё проходит, истина темна.
Человек рождается, жемчуг умирает,
И Сусанна старцев ждать должна.
1920.

* * *
Когда Психея-жизнь спускается к теням
В полупрозрачный лес вослед за Персефоной,
Слепая ласточка бросается к ногам
С стигийской нежностью и веткою зеленой.
Навстречу беженке спешит толпа теней,
Товарку новую встречая причитаньем,
И руки слабые ломают перед ней
С недоумением и робким упованьем.
Кто держит зеркало, кто баночку духов, –
Душа ведь женщина, ей нравятся безделки,
И лес безлиственный прозрачных голосов
Сухие жалобы кропят, как дождик мелкий.
И в нежной сутолке не зная, что начать,
Душа не узнает прозрачные дубравы,
Дохнет на зеркало, и медлит передать
Лепешку медную с туманной переправы.
1920.

ЛАСТОЧКА
Я слово позабыл, что я хотел сказать.

Слепая ласточка в чертог теней вернется

На крыльях срезанных с прозрачными играть.

В беспамятстве ночная песнь поется.

Не слышно птиц. Бессмертник не цветет,

Прозрачны гривы табуна ночного,

В сухой реке пустой челнок плывет,

Среди кузнечиков беспамятствует слово.

И медленно растет, как бы шатер иль храм.

То вдруг прокинется безумной Антигоной,

То мертвой ласточкой бросается к ногам

С стигийской нежностью и веткою зеленой.

О, если бы вернуть и зрячих пальцев стыд,

И выпуклую радость узнаванья.

Я так боюсь рыданья Аонид,

Тумана, звона и зиянья.

А смертным власть дана любить и узнавать,

Для них и звук в персты прольется.

Но я забыл, что я хочу сказать,

И мысль бесплотная в чертог теней вернется.

Все не о том прозрачная твердит,

Все ласточка, подружка, Антигона...

А на губах, как черный лед, горит

Стигийского воспоминанье звона.

Ноябрь 1920.

* * *

Чуть мерцает призрачная сцена,

Хоры слабые теней,

Захлестнула шелком Мельпомена

Окна храмины своей.

Черным табором стоят кареты,

На дворе мороз трещит,

Всё космато – люди и предметы,

И горячий снег хрустит.

Понемногу челядь разбирает

Шуб медвежьих вороха.

Tristia. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru
В суматохе бабочка летает.

Розу кутают в меха.

Модной пестряди кружки и мошки,

Театральный легкий жар,

А на улице мигают плошки

И тяжелый валит пар.

Кучера измаялись от крика,

И храпит и дышит тьма.

Ничего, голубка Эвридика,

Что у нас студеная зима.

Слаще пенья итальянской речи

Для меня родной язык,

Ибо в нем таинственно лепечет

Чужеземных арф родник.

Пахнет дымом бедная овчина,

От сугроба улица черна,

Из блаженного певучего притина

К нам летит бессмертная весна.

Чтобы вечно ария звучала:

«Ты вернешься на зеленые луга», –

И живая ласточка упала

На горячие снега.

1920.

* * *

В Петербурге мы сойдемся снова,

Словно солнце мы похоронили в нем,

И блаженное, бессмысленное слово

В первый раз произнесем.

В черном бархате советской ночи,

В бархате всемирной пустоты,

Всё поют блаженных жен родные очи,

Всё цветут бессмертные цветы.

Дикой кошкой горбится столица,

На мосту патруль стоит,

Только злой мотор во мгле промчится

И кукушкой прокричит.
Мне не надо пропуска ночного,
Часовых я не боюсь:
За блаженное, бессмысленное слово
Я в ночи советской помолюсь.
Слышу легкий театральный шорох
И девическое «ах» –
И бессмертных роз огромный ворох
У Киприды на руках.
У костра мы греемся от скуки,
Может быть, века пройдут,
И блаженных жен родные руки
Легкий пепел соберут.
Где-то грядки красные партера,
Пышно взбиты шифоньерки лож,
Заводная кукла офицера –
Не для черных душ и низменных святош..
Что ж, гаси, пожалуй, наши свечи
В черном бархате всемирной пустоты.
Всё поют блаженных жен крутые плечи,
А ночного солнца не заметишь ты.
25 ноября 1920.

* * *

За то, что я руки твои не сумел удержать,
За то, что я предал соленые нежные губы,
Я должен рассвета в дремучем акрополе ждать.
Как я ненавижу плакучие древние срубы!
Ахейские мужи во тьме снаряжают коня,
Зубчатыми пилами в стены вгрызаются крепко,
Никак не уляжется крови сухая возня,
И нет для тебя ни названья, ни звука, ни слепка.
Как мог я подумать, что ты возвратишься, как смел?
Зачем преждевременно я от тебя оторвался?
Еще не рассеялся мрак и петух не пропел,

Tristia. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru
Еще в древесину горячий топор не врезался.

Прозрачной слезой на стенах проступила смола,
И чувствует город свои деревянные ребра,
Но хлынула к лестницам кровь и на приступ пошла,
И трижды приснился мужам соблазнительный образ.
Где милая Троя? Где царский, где девичий дом?
Он будет разрушен, высокий Приамов скворешник.
И падают стрелы сухим деревянным дождем,
И стрелы другие растут на земле, как орешник.
Последней звезды безболезненно гаснет укол,
И серою ласточкой утро в окно постучится,
И медленный день, как в соломе проснувшийся вол,
На стогнах, шершавых от долгого сна, шевелится.
Декабрь 1920.

* * *

Когда городская выходит на стогны луна,
И медленно ей озаряется город дремучий,
И ночь нарастает, унынья и меди полна,
И грубому времени воск уступает певучий,
И плачет кукушка на каменной башне своей,
И бледная жница, сходящая в мир бездыханный,
Тихонько шевелит огромные спицы теней
И желтой соломой бросает на пол деревянный...
1920.

* * *

Возьми на радость из моих ладоней
Немного солнца и немного меда,
Как нам велели пчелы Персефоны.
Не отвязать неприкрепленной лодки,
Не услышать в меха обутой тени,
Не превозмочь в дремучей жизни страха.
Нам остаются только поцелуи,
Мохнатые, как маленькие пчелы,
Что умирают, вылетев из улья.
Они шуршат в прозрачных дебрях ночи,

Tristia. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru
Их родина – дремучий лес Тайгета,

Их пища – время, медуница, мята.

Возьми ж на радость дикий мой подарок –

Невзрачное сухое ожерелье

Из мертвых пчел, мед превративших в солнце.

Ноябрь 1920.

* * *

Мне жалко, что теперь зима

И комаров не слышно в доме,

Но ты напомнила сама

О легкомысленной соломе.

Стрекозы вьются в синеве,

И ласточкой кружится мода;

Корзиночка на голове

Или напыщенная ода?

Советовать я не берусь,

И бесполезны отговорки,

Но взбитых сливок вечен вкус

И запах апельсиновой корки.

Ты всё толкуешь наобум,

От этого ничуть не хуже,

Что делать, самый нежный ум

Весь помещается снаружи.

И ты пытаешься желток

Взбивать рассерженною ложкой,

Он побелел, он изнемог,

И все-таки еще немножко.

И, право, не твоя вина,

Зачем оценки и изнанки?

Ты как нарочно создана

Для комедийной перебранки.

В тебе всё дразнит, всё поет,

Как итальянская рулада.

И маленький вишневый рот

Сухого просит винограда.

Так не старайся быть умней,
В тебе всё прихоть, всё минута.
И тень от шапочки твоей
Венецианская баута.
декабрь 1920.

* * *
Я наравне с другими
Хочу тебе служить,
От ревности сухими
Губами ворожить.
Не утоляет слово
Мне пересохших уст,
И без тебя мне снова
Дремучий воздух пуст.
я больше не ревную,
но я тебя хочу,
и сам себя несу я,
как жертву, палачу.
Тебя не назову я
ни радость, ни любовь.
на дикую, чужую
Мне подменили кровь.
Еще одно мгновенье,
и я скажу тебе:
не радость, а мученье
я нахожу в тебе.
и, словно преступленье,
меня к тебе влечет
искусанный, в смятеньи,
вишневый нежный рот.
Вернись ко мне скорее,
мне страшно без тебя,
я никогда сильнее
не чувствовал тебя,

Tristia. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru
И всё, чего хочу я,

Я вижу наяву.

Я больше не ревную,

Но я тебя зову.

1920.

* * *

Я в хоровод теней, топтавших нежный луг,

С певучим именем вмешался,

Но всё растаяло, и только слабый звук

В туманной памяти остался.

Сначала думал я, что имя – серафим,

И тела легкого дичился,

Немного дней прошло, и я смешался с ним

И в милой тени растворился.

И снова яблоня теряет дикий плод,

И тайный образ мне мелькает,

И богохульствует, и сам себя клянет,

И угли ревности глотает.

А счастье катится, как обруч золотой,

Чужую волю исполняя,

И ты гоняешься за легкою весной,

Ладонью воздух рассекая.

И так устроено, что не выходим мы

Из заколдованного круга.

Земли девической упругие холмы

Лежат спеленутые туго.

1920.

* * *

Люблю под сводами седая тишины

Молебнов, панихид блужданье

И трогательный чин – ему же все должны, –

У Исаака отпеванье.

Люблю священника неторопливый шаг,

Широкий вынос плащаницы

И в ветхом неводе Генисаретский мрак

Tristia. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru
Великопостные седмицы.

Ветхозаветный дым на теплых алтарях
И иерея возглас сирый,
Смиренник царственный – снег чистый на плечах
И одичалые порфиры.
Соборы вечные Софии и Петра,
Амбары воздуха и света,
Зернохранилища вселенского добра
И риги Нового Завета.

Не к вам влечется дух в години тяжких бед,
Сюда влачится по ступеням
Широкопасмурным несчастья волчий след,
Ему вовеки не изменим:
Зане свободен раб, преодолевший страх,
И сохранилось свыше меры
В прохладных житницах в глубоких закромах
Зерно глубокой, полной веры.

1921

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://mandelshamjoseph.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!